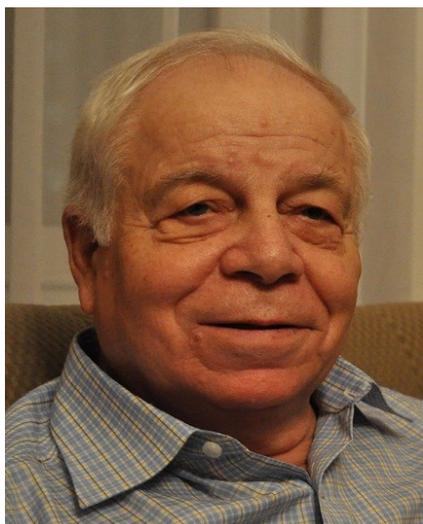

ВИТАЛИЙ АНДРЕЕВИЧ ЦАРЕНКО

Киевский интерналец 4-го выпуска

Воспоминания и размышления 1.1.

«Мой интернат», - написал на нашем сайте Миша Мишин.

Вместе с ним так могли бы сказать еще двести с лишним выпускников Киевской спецшколы-интерната с преподаванием ряда предметов на английском языке 1946-1956 гг.

Для нас интернат стал на многие годы (для меня лично на долгие восемь лет) родным домом, где прошло детство и юношество и началось раннее взросление человека, вступающего в самостоятельную жизнь.

Незабываемое время!!!

Как я попал в этот интернат. Я родился и до десяти лет рос в деревне. Это недалеко от Киева, село Малая Вильшанка Обуховского района. Осиротел рано – маму расстреляли немцы в первые же месяцы оккупации. Отец погиб на фронте. Перед уходом на фронт он сумел встретиться со своей сестрой, жившей в Киеве, и попросил ее позаботиться обо мне, если с ним что-то случится. И когда летом 1946 года тетя Тамара услышала по радио сообщение о создании в Киеве школы-интерната для способных детей, осиротевших во время войны, она вспомнила обо мне, приехала в село, забрала меня к себе, отмыла, постригла и отвела в приемную комиссию будущей спецшколы. Меня приняли. Но сказали, что сейчас мест нет (тогда у школы еще не было постоянного помещения), приводите в сентябре. Я вернулся в село и еще два месяца пас чужую корову и свою козу, ожидая окончательного решения своей судьбы. А выхова из школы все не было.

Наконец тётя не выдержала, приехала вновь в село, забрала меня и отвезла в интернат. «Вы его приняли, вот и забирайте», - сказала она. К тому времени школа обрела свой постоянный адрес на улице Артема 44б. Так с середины сентября 1946 года я стал интернатцем. У тети я жить не мог, она с мужем и сыном жила в коммуналке, и когда я иногда ночевал у них, то мне приходилось спать на стульях.

В первую же неделю моего пребывания в интернате случилось памятное приключение. Наш класс то ли в порядке дежурства, то ли в наказание за что-то вечером после отбоя натирал полы длинного школьного коридора на третьем этаже мастикой. Делали это так: сажали самого маленького на широкую половую щетку, брали его за руки и бежали вдоль коридора. Так сделали и со мной, но в конце пути меня отпустили и я врезался головой о выступ стены. В результате разбитая голова, три шва на лбу, сотрясение. С этого началась моя жизнь в школьном изоляторе, в котором из-за частых болезней я провел много дней за школьные годы.

Как нас лечили.

Интернальцы первого набора были очень слабы здоровьем. Кто-то только вернулся из эвакуации, кто-то пережил три года немецкой оккупации в городе или ближайших деревнях. С питанием было плохо, еще существовали продовольственные карточки. Одним словом, здоровых среди нас было мало. В школе был медпункт и изолятор. Была врач Вера Павловна и бессменная медсестра Мария Васильевна. На их попечении в изоляторе я провел много месяцев пока не избавился от многочисленных фурункулов. А сколько зеленки извела на меня Мария Васильевна! Спасибо директору

Градову Георгию Леонтьевичу. Это он два раза отправлял меня в украинский Артек, в Лузановку под Одессой. Ласковое Чёрное море и лиманные грязи помогли. Школу я закончил в добром здравии. А еще в зимнее время нас пичкали рыбьим жиром и пивными дрожжами. У нас в классе за окном стояла большая банка с этими дрожжами и перед обедом мы к ней прикладывались. Но алкоголиком никто из нас не стал ни тогда, ни после. Других витаминов тогда не было.

Как нас учили и как я учился.

Наши классы располагались на третьем этаже 4-этажного здания интерната. Никуда в школу ходить не надо было. А в деревне, откуда я приехал, мне два года приходилось ходить в школу в рваной обуви весной и осенью в распутицу, а зимой через сугробы, преодолевая путь длиной три с половиной километра. И учебники не надо было таскать с собой. Они все время были в парте в классе, где в первой половине дня проходили обычные классные уроки, а после обеда мы готовили домашние задания на следующий день.

Я был прилежным и старательным учеником. Хотя моя дошкольная подготовка была ниже других, городских ребят, я старательно занимался, как губка впитывал новые знания. Русского языка я почти не знал, так как в селе все говорили на украинском. О других языках понятия не имел, правда, во время оккупации часто слышал ненавистную тогда для меня немецкую речь. Да и почерк у меня был далеко не каллиграфический. Я учился писать не в тетради в косую линейку, а на канцелярских бланках, которые дедушка приносил из сельсовета, где он работал секретарем. Но все эти трудности вскоре были преодолены. Каждый учебный год я заканчивал отличником.

За все годы учёбы в школе у меня было всего несколько неудовлетворительных оценок. Одну из них я запомнил на всю жизнь. В четвертом классе мы начинали изучать историю, учительница Тамара Кирилловна старательно излагала и показывала по карте путь из варяг в греки. А на следующий день вызвала меня отвечать. Я не смог это сделать, так как задание это не приготовил, думал, что прослушал на уроке и этого достаточно. И она поставила в мой дневник жирную единицу! За годы учёбы это был первый и последний мой кол.

Большого труда мне стоило научиться писать красиво. В старшем классе учился Адик Ременюк. У него был очень красивый почерк. Он писал школьную стенгазету. Мне захотелось писать так же красиво. И в часы домашней подготовки уроков я ходил в их класс, подсаживался на парту рядом с Адиком, брал его ручку и тетрадь и копировал его почерк. Усилия не пропали даром – через два года уже я писал школьную стенгазету.

А умение копировать почерк пригодилось неожиданно. Когда мы писали выпускные сочинения, у некоторых ребят, претендовавших на медали, в сочинениях были небольшие помарки, и наш добрый завуч Александр Дементьевич (Вухо) призвал меня в учительскую, и мы с ним аккуратно исправили эти оплошности.

Был ещё курьёзный случай. Как то под Новый год мы решили подшутить над Мариком Гохфельдом и от его имени написали заявление с просьбой выдать нам деньги на новогоднюю попойку. Я почерком директора школы Тимофея Васильевича Довгошей наложил резолюцию: «Бух. Выдать» и подсунули это прошение под дверь в бухгалтерию. Бухгалтер пошла к директору, распорядителя финансов быстро опознали. Мне внятно разъяснили, чем могут обернуться подобные шутки.

Русский, английский, китайский...

Что же касается языков, то могу сказать, что русский вскоре стал для меня вторым родным языком. Английским я владел прилично уже ко времени окончания школы, в последние летние каникулы даже смог работать в киевском Интуристе. А по

окончании института мне стала подвластна и китайская грамота. Что же касается математики, алгебры, физики и других точных предметов, то я уже напрочь забыл, чему нас учили в школе. Зато обрел навыки столярного, слесарного, электромонтажного и другого прикладного ремесла, и все работы в доме этого плана выполняю сам.

Воспоминаний об интернате много. Важно, что все мы пронесли через всю свою уже достаточно долгую жизнь чувство семьи единой, братства уникального интернационального коллектива и искренней глубокой благодарности всем нашим учителям и воспитателям за все то доброе, что они сделали для нас. И в МГИМО, в МИДе, в посольстве в Китае, в аппарате ЦК КПСС – везде, где мне довелось работать, рядом были интернатцы – наши киевские, а также одесские и харьковские.

Своего однокурсника по учёбе в МГИМО одессита Гришу Ковриженко я непочтительно называю «сводником», потому что именно ему обязан своим семейным счастьем: он как-то пригласил на один из майских вечеров девушку, которая чуть позже стала моей женой! С другим выпускником одесского интерната Мишей Турчаком мне пришлось работать в Китае в трудные годы «культурной революции».

Нас всех связывают невидимые узы братской дружбы, общей судьбы людей, прошедших через те трудные военные и послевоенные годы и ставших достойными гражданами своей страны. И сейчас доставляет радость каждая возможность встреч или другого вида общения между нами. Хочется, чтобы это продолжалось как можно дольше.